

ГЛАВА 1

Уж как не повезет — так не повезет. Спустившись по деревянным ступеням трехэтажного старого дома, Сергей Григорьевич Козыренко — Козырь, как его звали во флоте, со злостью сплюнул и направился к калитке. Это была третья комната, в которой ему отказали. Наступал конец месяца, денежки, отложенные на аренду квартиры, уходили на сигареты и транспорт, а получить пособие по бедности без постоянного адреса было невозможно. Из приюта для бездомных и жертв насилия его выгнали — пришел пьяный, а это было запрещено. Ну а питание — это отдельный разговор. Сергей побожился, что после решения квартирного вопроса и получения пресловутого чека на соцобеспечение он первым делом съездит в русский магазин и купит пару банок домашнего супа. Не обязательно борща, можно и грибного или куриного. До чертиков хотелось горячего супа, и чтобы много было, и чтоб погуще. Водка уже давно не шла, и запах ее,

такой прежде желанный, вызывал рвотный рефлекс. Здоровье тоже начинало сдавать, несмотря на нестарые еще годы. Он осознал это сегодня утром, когда вдруг закружилась голова и подкосились ноги. К счастью, рядом оказался прохожий, который подхватил его и прислонил к стене.

Сергей Козыренко голодал уже несколько дней. О еде думалось постоянно. Он представлял горы картофельного пюре и мясных фрикаделек, которыми кормили на убой во флоте, куски хлеба, намазанные маслом и ливерной колбасой, а от аромата кофе непроизвольно текла слюна. Как опытный бомж, он ждал закрытия ресторанов, чтобы попросить остатки хоть какой снеди. В некоторых выносили бумажную тарелку с галушками и кусок хлеба, несмотря на запрет властей раздавать остатки ресторанной пищи нищим, в других его просто гнали. В русских ресторанах он не попрошайничал. Не было уверенности, что к нему отнесутся с должным сочувствием, да и не хотелось «светиться» перед бывшими соотечественниками в таком нищенском виде. По ночам он грезил о том, как подъезжает к ресторану на новой БМВ, он одет с иголки, с ним девчонка необыкновенной красоты. Они входят в ярко освещенное помещение. Их провожают к столику. Он достает пачку денег и отдает девчонке:

— Гуляем, любимая!

Он проклинал день, когда сошел со своего родного судна в канадском портовом городе

Галифаксе и потерялся в толпе. С ним ушли еще двое ребят. Вскоре они исчезли, и Козырь до сих пор ничего не знал об их дальнейшей судьбе.

Потом он перебрался в Торонто. Здесь подал на беженство с помощью адвоката из учреждения по бесплатному оказанию юридической помощи, с которым встретился один раз до слушания и второй раз — во время слушания в комитете по делам беженцев. Там он пытался доказать господину адвокату, что он и есть тот самый Козыренко Сергей Григорьевич, его клиент. Адвокат же на чисто про него забыл и даже не смог правильно произнести его фамилию. Несколько секунд пересматривал тонюсенькую папочку, потом что-то там быстренько подчеркнул, после чего они, безо всякой подготовки к интервью, вошли в зал, где уже сидели председатель и два иммиграционных офицера, а рядом, перед микрофонами — переводчица. Те вежливо выслушали бред Козыря, потом минут сорок бомбардировали его вопросами. Он гнал полнейшую ересь, от которой у председателя комиссии покраснело лицо. Потом адвокат выступил с коротенькой неубедительной речью. Даже непросвещенному в иммиграционных законах Козыренко стало ясно, что слушание прошло на редкость отвратительно. Тут же в коридоре он выматерил адвоката, его тираду с удовольствием перевели. Тот быстро удалился, на ходу сообщив, что не работает с хулиганами.

После этого Козырь перешел к другому адвокату — полной добродушной даме, которую

порекомендовали пацаны в приюте для бездомных. В ее кабинете он вдруг расплакался. Стало себя жалко и стыдно за кошмар, в который он сам себя же и вверг. Добрая тетка обещала помочь, но дело двигалось очень медленно. В конце концов Козырь прошел еще несколько слушаний и через год все-таки получил статус беженца. К тому времени он оказался в совершенно плачевной ситуации: ни денег, ни квартиры, ни работы. Для властей указывал ложный адрес — на самом деле там проживали его новые знакомые из Торонто, бывшие харьковчане Меркуловы. На их квартиру ему приходило ничтожное пособие по безработице. За эту маленькую услугу он отдавал Меркуловым четверть суммы чека, а на самом деле жил в государственной субсидированной квартире у «дружбана» Коляни.

У того не было права сдавать жилье, но Козырь «под полой» отдавал незаконному арендатору остаток денег с чека и был доволен. Так делали многие. Зато у Козыря в квартире афериста была своя комнатенка и телевизор, а у Меркуловых вообще не было места, к тому же у них день и ночь орал маленький ребенок. У Коляни было неплохо, но позже выяснилось, что он подрабатывал не только незаконной арендой, но и мужской проституцией, и ничего в этом зазорного не видел. Вскоре власти обнаружили незаконные махинации с местожительством и лишили Козыря пособия до тех пор, пока он не снимет квартиру

самостоятельно. Сергей остался вообще без денег. Со своим квартирным благодетелем ему также пришлось расстаться. Как-то раз к тому зашел здоровый бугай и предложил Козырю приобщиться к их мужским развлечениям. Он тогда даже немножко испугался, что они его вдвоем заломают, по-быстрому покидал шмотки в сумку и был таков. Но ему было суждено встретиться с Коляней еще раз, и не при самых лучших обстоятельствах.

После «развода» с гомосексуалистом Сергей по глупости вернулся в квартиру, когда того не было дома. Сломал замок и влез туда, чтобы забрать остатки одежды и новую кофеварку, купленную на его собственные деньги. Узнав об этом, бывший «дружбан» немедленно на него наступал.

Козыря разыскала полиция. Был суд, его обвинили в воровстве со взломом. Коляня подсуетился и привел «свидетелей», Козырь их в глаза никогда не видел. С ними пришла соцработник, подтвердившая, что действия Козыря внесли хаос в «психологический баланс» Коляни — «жертвы сексуальных надругательств», тот по канадским законам являлся инвалидом — то бишь неприкасаемым. По мнению Козыря, в Канаде со всеми этими инвалидами носились как с писаной торбой. Многие из них были обычными жуликами, которым удалось одурачить медкомиссию и получить соцобеспечение и государственную, почти бесплатную квартиру до конца жизни. Козырь

подозревал, что и его арендодатель был из числа именно таких «инвалидов». В результате Сергею дали год колонии, но он отсидел девять месяцев.

В канадской тюрьме умные люди долго не засиживаются: слушайся властей и не связывайся с отморозками. Козырь, с детства смекалистый и шустрый, сразу врубился в ситуацию и вел себя примерно, за что его досрочно освободили, даже дали положительную характеристику и рекомендательное письмо на курсы сантехников.

В тюрьме Козырь, мастер на все руки, чинил все подряд, включая технику, в библиотеке учил английский язык. Был на хорошем счету у надзирателей и начальства. Его ставили в пример остальным заключенным: «Вот Сергей, хоть на английском кое-как, зато отлично работает, а вы в телевизор пялитесь или в карты режетесь весь день». Хорошо, что к тому времени у него уже были беженские документы, а его нарушение не расценивалось как тяжкое преступление — он никого не убил и не покалечил. Теперь он мог вернуться в общество, не боясь депортации.

По постановлению суда, ему вменялось после освобождения пройти годичную реабилитацию, но эта часть была приятной, тем более что сотрудница из пробационного надзора относилась к нему с сочувствием. Внешне Козырь был довольно симпатичен: широкоплечий, высокий, с темными, чуть прибитыми сединой волосами. Выразительные

голубые глаза он унаследовал от отца-украинца, а белую кожу и чистый, открытый лоб — от матери Натальи, коренной орловской жительницы и, как поговаривали, столбовой дворянки.

В душе Сергей мечтал вернуться в Россию, но после всего пережитого он не был готов к такому шагу. Ко всему прочему его российский паспорт был просрочен, загранпаспорт и армейские документы пропали. Обращаться в российское консульство после того, как он запросил политическое убежище в Канаде, было совсем не в жилу. Причины для беженства, как его научили, состояли в «национальной дискриминации на родине», хотя ничего подобного в его жизни не было. Жил да был, и прекрасно себя чувствовал. Семья, работа, сынок подрастал — копия папы... ан нет! Татьяна Егоровна, жена дорогая, после пяти лет брака просто взяла и ушла от него. Позорно променяла на какого-то «деловика» Фиму, зато на мерседесе, с доминой в три этажа и охраной. «Да еще Лешку забрала! Сучара».

Козырь навсегда запомнил, как он, вернувшись после дальнего плавания, радостный заходит в дом с подарками, а в доме — тишина, никто не встречает. Только записка на кухонном столе: «Прости, надоело одной ночи коротать».

Вот тогда-то он и решил всех и все послать... в прямом смысле куда подальше. Ушел в очередное

дальнее плавание, но и там, в бесконечных просторах, не полегчало, а стало еще хуже. Злость пожирала Сергея изнутри, по ночам он не спал, фантазируя, как взлетит ночью в «их» дом, Лешку заберет, а «этих двух»... Не хотел даже на одном полушарии с ними находиться, вот и сгруппил, в Галифаксе соскочил с судна и не вернулся. «В общем, натворил дел, дурак, а куда теперь деваться?»

* * *

Стоял ноябрь, становилось прохладно. День уходил, а вместе с ним — и боевое настроение. Козырь дождался темноты и вернулся назад в приют для бездомных. Он надеялся, что его впустят переночевать: в прошлый раз не пустили — был пьян. И несчастен, но этого никто не знал. Можно было бы попробовать в церкви переночевать, но там надо договариваться заранее, на всех бездомных не хватало коек, а спать на полу запрещалось. В конце концов, все эти приюты и убежища для нищих, бывших заключенных и психически больных стали в некотором роде его домом. Туда тянуло, даже если попадалось другое место для ночевки. В убежищах работали душевые, но самое главное — там запрещалось шуметь после десяти часов вечера, и можно было отлично выспаться в тепле и на чистой постели.

Здесь у каждого были проблемы, которые, как правило, не обсуждались. Если же у кого-то

возникал вопрос — отправляли к старожилам, а те, зная систему как свои пять пальцев, за сигарету и стакан кофе могли дать очень даже дельный совет. Правда, воровали частенько, но у него нечего было брать. Добротные ботинки и кожаный ремень с кошельком он заворачивал в рубаху и прятал на ночь под подушку. На старую куртку и облезлые джинсы никто не зарился. Многие были одеты во все «новое», ворованное, или в старое «новое», из магазинов Армии Спасения. Но у него не было денег даже на такие магазины.

До приюта удалось дотащиться к одиннадцати вечера. Обычно дверь запирали в десять, но в плохую погоду дверь держали открытой еще час. Он поправил нестриженные волосы, одернул куртку и отряхнул штаны. Ему повезло: на дверях сидел новый дежурный, а не тот, что выкинул его в прошлый раз. Сергей уверенно вошел, громко поздоровался, предъявил «левые» права, которые ему в свое время сделал по благу Коляня.

— Извините, запоздал. Искал квартиру до вечера.

— Не снял, значит, квартиру?

— Нет.

— Ну ладно, иди отдыхай. В маленькой комнате — кровать свободная. Душевые закрыты. Завтра в пять утра откроем. Извиняюсь.

Пожилой дежурный, одетый в форму работников Армии Спасения, махнул рукой в сторону открытой двери в конце коридора.

— Слева там, увидишь.

Счастливым Сергей зашагал к открытой двери.

«Все будет класс», — убеждал он себя, сбрасывая одежду на маленькую ночную тумбочку, отделяющую его кровать от соседней.

* * *

Посреди ночи его разбудили какая-то возня и тихое бормотанье.

Козырь открыл глаза и прислушался.

— Не надо мне в садок... ха-ха... по шкале с вертикальным запасом... — молот мужик на противоположной кровати. Сергей присмотрелся.

В свете неяркой коридорной лампы он увидел мятущегося худого человека с короткими седыми волосами.

«Мужик-то наш, как его сюда угораздило?» — удивился Сергей.

— Эй, — позвал он, — ты че, совсем допился?

Седой приподнялся на кровати и, крепко обняв себя за плечи, начал бешено раскачиваться из стороны в сторону. Его тихое бормотание перешло в громкую тираду.

— Майку задрали и давай крутить на глаза... Фрескобальди, Фрескобальди... а толку-то что! Никто в музыке ничего не понимает...

Вдруг седой мужчина поднялся во весь рост на кровати и, цепляясь за стену, громким голосом начал декламировать:

...Бутылки желтые стояли,
и непристойный шум затих,
И девки голые лежали! Имен не знали их!
Знакомо босыми ногами на печках
холодных,
Мышонок голодный, а черного хлеба, как
неба, накрошено,
Не надо мне рук! Все брошено, к чертовой
матери брошено...

— Чего разорался, здесь шуметь нельзя, — предупредил Козырь полусшепотом.

Он встал с постели и подошел поближе к незнакомцу. Вдруг тот повалился на кровать и на секунду затих. На Козыря смотрели два пустых глаза с исчезнувшими зрачками. Седой начал задыхаться, на его губах выступила белая пена.

— Эй, эй, лекарства у тебя есть? — Сергей потряс его за плечи.

Вместо ответа седой подтянул ноги к животу, сложившись вдвое, и забился, как одержимый.

Сергей осмотрелся и увидел в ногах мужчины кучу одежды. Он вытянул пару брюк и вывернул наизнанку карманы. Оттуда посыпались мелочь и смятые бумажки. В заднем кармане лежал толстый бумажник. Козырь быстро исследовал находку и, не успев удивиться, засунул бумажник к себе под подушку. Наконец в боковом кармане плаща он обнаружил то, что искал: упаковку с надписью «Паксил» и коричневую

пластмассовую бутылочку, до половины набитую зелеными капсулами.

— Так, «Паксил» мы знаем, а вот эти зеленые — наверно, то, что нужно, — вычислил бывалый моряк. Он побежал за водой, а вернувшись, отсыпал две капсулы. Подступиться к метавшемуся человеку было невозможно. Наконец Козырь изловчился и, сжав одной рукой челюсть трясущегося мужчины, аккуратно вложил в его рот скользкие капсулы, затем осторожно влил воду в открывшееся красное горло.

— Глотай, глотай, а то подавишься.

Тот закашлялся, но все-таки умудрился сделать несколько судорожных глотков. Вдруг тело его взвилось дугой, изо рта вывалился язык, а зрачки опять стали уходить под брови.

— погоди, погоди, лекарство не удержишь, — засуетился Козырь.

Он метнулся к своим вещам, выхватил из кармана куртки варежку и засунул между стучащими зубами больного. После этого навалился на бьющееся тело, одной рукой прижимая голову мужчины к подушке, а другой — удерживая его подбородок. Худое длинное тело под ним напряглось и забило сумасшедшей дрожью. Ему пришлось упереться одной ногой в пол, чтобы не свалиться с узкой кровати. Прошло несколько секунд, и седой мужчина под действием лекарства начал затихать. Козырь поднялся, накинул на него одеяло и полез за табаком. Его самого слегка трусило. Курить

в здании запрещалось, он просто взял понюшку табака и затолкал ее в ноздрю, глубоко вдыхая запах дешевого зелья. Появился пожилой волонтер.

— У нас все нормально, просто приболел человек, вот лекарство принял, засыпает, — не стал выдавать соотечественника Козырь.

— Лекарство покажи.

Козырь протянул обе упаковки.

— Это «Паксил», — без труда признал волонтер популярный антидепрессант. — А это что?

Он отошел к свету с коричневой бутылочкой присмотрелся к наклейке.

— Мне не жалко, главное, наркоты не носите.

— Не-не, — убедил Козырь, — это то, что доктор прописал.

— Скорую вызвать?

— Да нет, вроде засыпает, я его знаю, — соврал он, не зная зачем.

Волонтер удалился к себе на пост. Прикрыв дверь, Козырь вытащил толстый бумажник из-под подушки и спрятал его в ботинок. Пересчитывать купюры не было сил. Подложив ботинки под голову, он улегся и, совершенно изможденный, провалился в сон.

Утром его разбудила ожесточенная тряска. Ему почудилось, что он снова у себя на судне. Открыв глаза, он увидел нависшее над собой лицо ночного соседа.